

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

ДРЕВНЕРУССКАЯ ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА ФРЯГАМИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Четвертый крестовый поход завершился в 1204 г. взятием Константинополя „крестоносными болванами“¹. Этот поход явился наиболее ярким проявлением грабительских устремлений западноевропейских феодалов и католической церкви в крестоносном движении².

Падение столицы Византийской державы не могло не оказать влияния на ход истории стран Востока и Запада на протяжении ряда десятилетий. Оно не могло не оказать воздействия и на ход дел в тогдашней Руси, тесно связанной с Византией в церковном отношении. Сохранилось послание римского папы Иннокентия III к русским епископам, в котором глава римской церкви предлагает им признать свою верховную власть над собою, так как Византия, которой они ранее подчинялись, перестала существовать. Послание это, как известно, осталось без ответа.

В передовых слоях русского общества накануне нашествия монголов известие о взятии Царьграда способствовало развитию патриотизма и чувства гордости за свою оставшуюся независимой Родину. Отсюда вполне объясним тот живой и неиссякаемый интерес, с которым воспринимались все сообщения о событиях этого похода на Руси вплоть до XVII в.

Основные источники, повествующие о четвертом крестовом походе и о взятии Константинополя крестоносцами, — это французские записки Жоффруа Виллардуэна, маршала Шампани, одного из руководителей похода; это „История“ знатного византийца Никиты Хониата, лично пережившего осаду и штурм столицы латинянами; это, наконец, и древнерусская повесть „О взятии Царьграда от фряг“, написанная тоже, по всей вероятности, вскоре после совершившихся событий, их очевидно.

I

Древнерусская повесть давно уже известна науке по Синодальному списку I Новгородской летописи, но до сих пор этот памятник почти не подвергался глубокому изучению.

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 197.

² Ср. М. А. Заборов. К вопросу о предистории четвертого крестового похода. ВВ, т. VI, 1953, стр. 223.

Отдельные замечания по поводу „Повести“ были сделаны еще Н. М. Карамзиным¹. В 1872 г. П. Савваитов высказал несколько соображений об авторе повести, комментируя свое издание „Путешествия“ в Константинополь новгородца Добрыни Ядрейковича (впоследствии новгородского архиепископа Антония), который был в Византии в 1201 г.: П. Савваитов предположительно приписал ему авторство „Повести“².

Несколько заметок по поводу текста „Повести“ и относительно передачи в ней собственных имен крестоносцев были приведены издателями I Новгородской летописи в III томе „Полного собрания русских летописей“ (1841 г.). Примечания эти были перепечатаны с указанием источника и в последнем издании Новгородской первой летописи³.

Несколько примеров из текста „Повести“ приведены в работах о языке I Новгородской летописи П. А. Лавровского (1852 г.), Б. М. Ляпунова (1899 г.) и Е. С. Истриной (1923 г.).

Относительно полный обзор известного в науке о „Повести“ изложен в I томе „Истории русской литературы“, изданной Институтом литературы Академии Наук СССР⁴.

Коротко говорит о „Повести“ Д. С. Лихачев в своем очерке древнерусской литературы, включенном в „Историю культуры древней Руси“⁵.

Этим исчерпывается то, что сделано до сих пор исследователями по поводу интересующего нас памятника. Таким образом, можно сказать, что в исторической литературе в лучшем случае был лишь намечен ряд проблем, связанных с его изучением, однако ни одна из них не была исследована сколько-нибудь обстоятельно⁶.

„Повесть“ представляет для нас несомненный интерес прежде всего как исторический источник по истории Византии, как самобытное произведение древнерусской литературы и как памятник древнерусского литературного языка старшего периода. Между тем она остается еще настолько неисследованной, что мы даже не имеем ее критического издания и не можем пока прочитать ее правильный, первоначальный текст. Решению некоторых проблем, связанных с изучением текста „Повести“ и ее содержания, посвящена настоящая статья⁷.

II

Текст „Повести“ дошел до нас в целом ряде списков XIII—XVI вв. которые можно подразделить в основном на две группы. К первой следует отнести все списки I Новгородской летописи как старшего, так и младшего изводов. Ко второй группе — все списки Еллинского летописца 2-й редакции и стоящие в тесной связи с последними: Софийскую I летопись (списки Карамзина и Оболенского так называемой первой

¹ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. III, СПб., 1892, прим. 149.

² П. Савваитов. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. Изд. Археогр. комиссии, СПб., 1872, стр. 8, прим. 17.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Изд. АН СССР под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 46, 49.

⁴ История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 307—308. Автором данной главы очерка является член-корр. Акад. Наук СССР В. П. Адрианова-Перетц.

⁵ История культуры древней Руси, т. II. Изд. АН СССР. М.—Л., 1951, стр. 199.

⁶ Недоступным автору статьи явилось исследование о новгородском варианте „Повести“ в „Исторических известиях“, № III—IV, М., 1916.

⁷ Более подробное исследование филологической стороны памятника см. в нашей статье, посвященной „Повести“ (ТОДРЛ, т. X, 1954, стр. 120—136).

редакции) и зависимые от нее списки Московского летописного свода конца XV в. и Воскресенской летописи (XVI в.).

Первая группа включает в себя следующие списки:

Синодальный список I Новгородской летописи, писанный уставом на пергамене. „Повесть“ занимает листы 64—72 этой рукописи, следовательно, относится к первой части списка, написанной вторым почерком XIII в.¹ Список хранится в настоящее время в Рукописном отделении Государственного исторического музея в Москве, в Синодальном (Патриаршем) собрании под № 786. Последнее издание данного списка опубликовано с большой точностью А. П. Насоновым в 1950 г. В этом издании текст „Повести“ занимает страницы 46—49 (в дальнейшем изложении мы обозначаем этот список литерой С).

Комиссионный список той же летописи, младшего извода. Рукопись относится к середине XV в., писана полууставом. „Повесть“ занимает в ней листы 126—130. Список издан в той же книге А. Н. Насоновым отдельно от Синодального списка, к которому по прежним изданиям он давался только в вариантах. В указанном издании текст „Повести“ помещен на стр. 240—246 (в дальнейшем обозначается литерой К).

Академический список той же летописи и извода XV в. Варианты по этому списку подведены в указанном издании А. Н. Насоновым, так же как и по Воронцовскому и Толстовскому спискам, скопированным с последнего в конце XVIII и начале XIX вв. и поэтому не представляющим интереса для восстановления первоначального текста „Повести“ (Академический список в дальнейшем мы будем обозначать литерой А).

Ко второй группе рукописей следует причислить списки Еллинского летописца 2-й редакции. Сюда относятся:

Список библиотеки Академии наук СССР № 33.8.13. Список датируется последней четвертью XV в. Текст его до сих пор нигде не издан. Описание рукописи дано в статье Д. С. Лихачева, опубликованной в VI томе „Трудов отдела древнерусской литературы“². В этой рукописи текст „Повести“ занимает листы 724в—726г. Список, по многим признакам, носит следы последней его переписки новгородским писцом (в дальнейшем обозначаем список литерой Б).

Список Чудовский 51—353 (7), относящийся ко времени не позднее середины XV в. В нем текст „Повести“ занимает листы 451—461. Рукопись описана М. Н. Сперанским³. По всей вероятности, она переписывалась в Москве. В настоящее время хранится в Государственном историческом музее (в дальнейшем изложении обозначаем Чудовский список литерой Ч).

Список Кириллово-Белозерский (Синодальная библиотека) № 86, восходит к началу XVI в. В нем текст „Повести“ занимает листы 335—345. В настоящее время хранится в Государственном историческом музее (в дальнейшем обозначаем данный список сокращением Кир).

К этой группе следует отнести и списки I Софийской летописи, обозначаемые А. А. Шахматовым как принадлежащие к первой ее ре-

¹ Автор согласен с палеографической датировкой Б. М. Ляпунова, поддержанной Е. С. Истриной и принятой в последнее время А. Н. Насоновым.

² Д. С. Лихачев. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV века. ТОДРЛ, т. VI, 1948, стр. 100—110.

³ М. Н. Сперанский. Библиографические материалы, собранные А. Поповым. „Чтения ОИДР“. М., 1889, кн. 3.

дакции. К сожалению, издание Софийской летописи в т. V „Полного собрания русских летописей“ опускает текст „Повести“. Уже А. А. Шахматов указал, что в этой летописи под 6711 годом находим „Повесть о взятии Царьграда.., дополненную сказанием об иконе пречистой Одигитрии, о ризе Влахернской богородицы“¹. Отмеченное указание позволяет не сомневаться, что в Софийскую летопись текст „Повести“ попал не из Новгородской летописи, а именно из Еллинского летописца, где мы также вслед за „Повестью“ читаем тексты упомянутых А. А. Шахматовым сказаний.

Очевидно, к Софийской же летописи восходит „Повесть“ по тексту Московского летописного свода конца XV в., изданного в 1949 г. М. Н. Тихомировым по Уваровскому (середина XVI в.) и Эрмитажному (XVII в.) спискам. В издании М. Н. Тихомирова текст повести занимает стр. 101—103 (в дальнейшем изложении текст Московского летописного свода будем обозначать литерой М).

Во всех отмеченных списках и изданиях текст „Повести“ — один и тот же; незначительные отличия состоят лишь в мелких разночтениях стилистического характера. Так, например, С, К: „Черньче же и чернице и попы облупиша, и нѣколико ихъ избиша“. Б, Ч, А: „Черноризцовъ и черноризидъ и попы обоимаша, и нѣколико ихъ избиша“; М: „и людей много множество избиша и ограбиша“ и т. п.

Еще первые издатели I Новгородской летописи в 1841 г. высказали предположение о неполной сохранности текста „Повести“ в списке С. В нем, по их мнению, „нечто пропущено“: речь царевича Алексея крестоносцам прерывается, и далее следуют слова императора Филиппа или папы Иннокентия².

Приведем это место полностью по С с современной пунктуацией: „Цесарь нѣмечьскый посла къ папѣ въ Римъ, и тако увѣчаста, яко нѣ воевати на Цесарьградъ; нѣ яко же рече Исаковидь: «всь град Костянтинъ хотять моего царства». — Такжеже, посадыче его на прѣстолю, поидете же къ Иерусалиму въ помочь; не въсхотятъ ли его, а ведете и опять къ мнѣ, а пакости не деите Грѣчьской земли“.

Тот же текст содержится и во всех остальных списках. Если в него внимательно вчитаться, то в нем не обнаруживается никаких следов пропуска.

Смысл приведенного отрывка таков: „Царь немецкий послал (Алексея) к папе в Рим и они (оба) так увещевали (крестоносцев), чтобы они не воевали против Царьграда, но поскольку Исакович сказал, что весь Константинополь желает его воцарения, то, посадив его на престол, идите на помощь Иерусалиму; если же его не захотят, то приведите его опять ко мне (в Рим), а обиды не творите Греческой земле“.

Ошибка издателей I Новгородской летописи, заподозривших здесь пропуск в тексте, состояла в том, что они начало слов увещания усмагивали только после приведенной прямой речи Исаковича. На самом деле увещание начинается словами: „Яко нѣ воевати на Цесарьградъ“, а прямая речь Исаковича включена в это увещание в качестве подчиненного, придаточного предложения, в свою очередь зависимого от другого придаточного — условного.

При таком, единственно правильном понимании отпадает необходимость усматривать в тексте какую бы то ни было несохранность,

¹ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. Изд. АН СССР. М.—Л., 1938, стр. 211—212, прим. 1.

² См. ПСРЛ, т. III, 1841, стр. 27. Перепечатано в издании А. Н. Насонова (1950 г.) на стр. 46.

и надобность в предположении о наличии пропуска сама собою отпадает.

Хотя список С и древнее, чем все остальные списки почти на двести лет, однако его никоим образом нельзя считать ни первооригиналом „Повести“, ни даже непосредственной копией с первооригинала. Это доказывается искажениями текста „Повести“ в списке С, которые в ряде случаев могут быть исправлены путем сопоставления с другими списками, хотя и более поздними, но вернее сохранившими особенности своего первого списка.

Наиболее ярко бросаются в глаза искажения текста, нуждающиеся в исправлении по другим спискам, в следующих местах.

1. Рассказывается о бегстве сына Исаака, царевича Алексея (в тексте он обычно называется Исакович), из Константинополя. Он скрывается на одном из итальянских кораблей в бочке с тройным дном. С дает чтение: „И внидоша въ тѣ корабль, идеже бяшетъ, и вся мѣста обискаша, а изъ бѣчькѣ (родит. пад. множ. ч.) гвозды (винит. пад. множ. ч.) вынимаша“. Выше шла речь лишь об одной бочке, в которой прятался Исакович. Следовательно, лучшее чтение представляет собою „бѣчькы“ (род. пад. ед. ч.) и „гвоздь“ (винит. пад. ед. ч.). Так читаем в рукописях Еллинского летописца (Б, Ч, Кир).

2. Далее, перед рассказом об отречении от престола Исаака в С говорится: „Исакъ цесарь, много съжаливъси о градѣ и о царствѣ своемъ и о граблении монастырскихъ еже даяста Фрягомъ злата и срѣбро, посуленое имъ“.

В этом чтении сомнительны два места: во-первых, сочетание „о граблении монастырскихъ“. В таком случае следует считать последнее слово субстантивированным прилагательным в роли дополнения в родительном падеже множественного числа к отглагольному существительному. Подобную синтаксическую конструкцию нельзя считать типичной для древнерусского языка XIII в.

В К вместо этого читаем: „о граблении монастырскомъ“, т. е. употребляется согласованное определение, выраженное относительным прилагательным, соответствующим родительному падежу объекта. Так и ниже в тексте (по всем спискам): „ограбление монастырское“. Вероятно, наиболее правильным следует признать чтение, имеющееся в Еллинском летописце (списки Ч и Кир), где мы встречаем: „о граблениихъ монастырскихъ“, т. е. употреблено такое же согласованное определение во множественном числе. В обоих случаях употребление определения, выражаемого относительным прилагательным, в соответствии с родительным объектом при отглагольных существительных, — явление очень обычное в древнерусских памятниках XI—XIII вв.

Второе замечание относительно приведенного выше контекста касается формы родит. падежа ед. ч. (или винит. падежа множ. ч.) „злата“. Это, несомненно, следует считать ошибкой, так как во всех списках, кроме С, имеем форму винительного падежа единственного числа „злато“, как и следующее за ним „срѣбро“.

3. Вызывает ряд замечаний и следующее место по списку С: „И събращеса чернь и волочаху добрые можа“.

Издатели Новгородской летописи исправляют последнее слово по К и А на „мужи“. По смыслу с этим исправлением можно согласиться, однако точнее была бы форма „волочаху добрые (е из ѳ) мужа“. Эта форма ближе к написанию С. Тогда ошибка состоит только в пропуске второго буквенного знака в обозначении — „оу“. Форма „мужа“ имеет славянизующее окончание винительного падежа множественного числа

2-го склонения с мягкой основой, обычное для древнерусского литературного языка XI—XIII вв. (а из А). Наряду с указанным, во всех списках Еллинского летописца имеем в данном месте чтение: „добрые люди“, что может быть сопоставлено с употреблением подобного же словосочетания в нашем тексте ниже, где речь идет о сохранении от ограбления и надругательств со стороны фрягов иконы Одигитрии, которую „съблюде... богъ добрыми людьми“.

4. Далее, в рассказе об избрании императором Николая Канава список С дает чтение: „И ту быша с нимъ въ Святѣи Софии 6 днии 6 ноци“. Тот же текст содержится и во всех списках Еллинского летописца (Б, Ч, Кир). Однако список К, и только он, дает другое чтение, которое значительно более соответствует смыслу контекста и потому может быть принято за первоначальное: „И ту бысть снемъ“, т. е. происходило собрание (сейм). Ошибка переписчика С в этом случае состояла в том, что он принял незнакомое ему существительное „снемъ“ за диалектную разновидность формы местоимения „и“ в творительном падеже единственного числа мужского рода и исправил эту форму на общепринятую литературную.

5. Требование фрягов, предъявляемое ими к императору Мурзуфлу, в списке С передано следующим образом: „Даи намъ Исаковиця, от (буква ѡ) поидемъ къ нѣмечьскому цесарю, отнеле же есме послани“. В чтении С роль подчинительного союза цели выполняется предлогом „от“. Список К, взамен этого, содержит слово „даждь“. В А и Т читаем „и тако“; во всех списках Еллинского летописца имеем „и абие“; в М — союз „да“. Очевидно, в первосписке имелся старый русский подчинительный союз цели „ать“, „оть“¹, который в качестве устарелого и специфически русского, не был узнан позднейшими переписчиками, и они, — каждый по-своему, — заменяли его по смыслу союзами, свойственными церковнославянскому письменному языку XV в.

6. При описании кораблей крестоносцев, участвовавших во взятии Константинополя, в С мы читаем следующее: „Приступиша же на 40 корабльвъ великихъ; бяху ж изременани межи ими, въ нихъ (рпк. нихъхъ) же люде на конихъ, одени въ брѣне, и кони ихъ“.

В этом тексте следует, во-первых, исправить словораздел, принятый во всех изданиях I Новгородской летописи, включая издания 1950 г. В них мы читаем: „на 40 корабль въ великихъ“. Такое чтение представляется бессмысленным. „Въ“ не является предлогом, относящимся к прилагательному „великихъ“, а представляет собою часть флексии родительного падежа множественного числа 2-го склонения мягкой разновидности — „корабльвъ“, подобно тому, как мы имеем ниже в том же тексте форму „кораблевъ“ и „царевъ“. Это очень частая для древнерусского языка флексия. „Великихъ“ же следует понимать не как местный падеж, который был бы единственно возможен при предлоге „в“ на вопрос „где“, а родительный падеж множественного числа в согласовании с предшествующим существительным. Форма „корабльвъ“ имеется в этом месте и во всех остальных списках „Повести“.

Во-вторых, обращает на себя внимание слово „изременани“. Такое слово не встречается нигде, кроме данного памятника. Его легче всего понять как форму причастия страдательного залога прошедшего времени во множественном числе мужского рода. В этом случае начало слова, от которого образована данная форма, было бы глагол „изреме-

¹ Ср. в „Поучении“ Ильи Новгородского: „възборанивайте женам, отъ не ходять к вольхам...“ История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, стр. 112.

нати“, „изременаю“. Именно такой глагол мы и находим в „Материалахъ“ И. И. Срезневского со ссылкой только на указанное нами место. Этот глагол, по всей видимости, следует понимать как образованный от существительного „ремень“ со значением „опутать ремнями“ или чем-либо подобным. Между тем такое значение никак не соответствует контексту. По смыслу в этом месте следовало бы искать название боевого корабля, приспособленного для перевозки конницы. Если мы привлечем для сравнения другие списки повести, то увидим, что все они содержат тот же текст, что и С¹. Вне всякого сомнения, текст в этом случае испорчен. Для правильного его понимания следует обратиться к греческому тексту „Истории“ Никиты Хониата. Последний, перечисляя вооружение крестоносцев, упоминает о подобных кораблях и называет их „дромонами“ (δρομώνων): „В течение трех лет было построено в Венеции сто десять дромонов для перевозки конницы“². По всей видимости, в первосписке „Повести“ и читалось это греческое слово „дромони“, оставленное без перевода. В этом случае наиболее верный контекст следует восстановить так: „бяху же и дромони межи ими“. Что же касается глагола „изременати“, то следует его признать никогда не существовавшим.

7. Вызывает сомнение текст рассказа о бегстве из Константинополя императора Алексея Мурзуфла. В С мы читаем: „Цесарь же Мюрчюфоль крѣпляше бояры и все люди, хотя ту брань створити съ Фрягы, и не послушаша его: побѣгоша от него вси. Цесарь же побеже от нихъ, и угони е на Коньнемъ тѣргу, и много жалова на бояры и на все люди“.

В этом месте непонятным представляется второе предложение: кто же кого нагоняет? Буквальный смысл: Цесарь убежал от них и догнал их на Конном торгу. Это, разумеется, — бессмыслица! В данном месте все списки Еллинского летописца согласны с С, списки же К и А предлагают чтение: „угониша е“, т. е. „они догнали их“; смысл и в этом чтении неясен. С наибольшим вероятием следует признать текст испорченным и исправить по смыслу: „и угониша и“; т. е. „они догнали его“.

8. Несомненно, вместо слова „тягло“, написанного в С, следует читать „тябло“, имеющееся во всех остальных списках. Такое чтение и принято во всех изданиях Новгородской летописи.

9. Наконец, следует, повидимому, читать вместо: „И тако бысть взятие Цесаряграда велико“ (так в С): „взятие Цесаряграда великого“, т. е. имеем форму родительного падежа единственного числа мужского рода прилагательного с древнерусской флексией. Вероятно, последнее слово в первосписке „Повести“ или в непосредственном оригинале С было написано в конце строки с выноской „г“, которой и не заметил переписчик, поняв „велико“ как краткое прилагательное и согласовав его в роде с существительным „взятие“. Все остальные списки согласуют прилагательное с существительным „града“ и дают членную форму родительного падежа единственного числа, свойственную книжному церковнославянскому языку: „великаго“.

¹ Следует отметить, что М. Н. Тихомиров, подготовлявший к печати текст „Московского летописного свода“, прочитал в соответствующем месте сочетание „и зременани“, однако он никак не комментирует его значения. См. ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 102.

² Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. т. II. СПб., 1862, стр. 271—272 (по изд. „Византийские историки“, перев. с греч. СПб. дух. акад., т. V). Corpus scriptorum historiae Byzantinae, v. 34, p. 714: δρομώνων μὲν ἰπταχούτων ἑκάτων δέκα. Слово „дромони“ встречается в Еллинском летописце неоднократно, например по списку Б, л. 2916 и сл.: „Царь же Романъ посла на ня въ трирѣхъ, рекше оляди (т. е. хеландии?) и дромоны“.

Все перечисленное дает основание восстановить первоначальное и правильное чтение текста „Повести“ и одновременно наводит на мысль о том, что Новгородскую летопись, в частности список С, нельзя признать источником, откуда заимствовалась повесть в Еллинский летописец, порою сохраняющий более правильное чтение. Очевидно, тексты Еллинского летописца опираются на какой-то другой, не дошедший до нас протограф.

III

Ценность повести как исторического источника несомненна. Она определяется прежде всего относительной беспристрастностью, „нейтральностью“ в изложении событий. В то время как Виллардуэн и другие западноевропейские авторы рисуют события с точки зрения „христового воинства“, крестоносных рыцарей, а Никита Хониат выражает отношение византийской аристократии к гибели Византии, — „Повесть“, по всей вероятности, написана очевидцем, непосредственно не пострадавшим от событий, не принимавшим в них активного участия, а лишь наблюдавшим их „со стороны“. Виллардуэн явно замалчивал или смягчал бесчинства крестоносцев в захваченной ими столице и превозносил военные доблести своих соратников¹. Никита Хониат горько и гневно изобличал насилие врагов над населением города, но, несомненно, склонен был их преувеличивать. Автор „Повести“ также говорит о преступлениях крестоносцев, но отнюдь не оправдывает и византийскую знать во главе с императорами. Поэтому к показаниям русского автора во многих случаях следует относиться с большим доверием, чем к остальным источникам.

Далее, обращает на себя внимание полное отсутствие в „Повести“ какого бы то ни было религиозного прагматизма, столь характерного для мировоззрения историков феодальной эпохи.

Автор „Повести“ не объясняет бедствий, постигших Византию, гневом божества или возмездием за грехи ее жителей. Наоборот, он отмечает социальные и политические причины поражения византийцев и столь быстрого захвата врагами их столицы. Прежде всего причиной гибели империи рассказчик называет „сваду цесаревь“, т. е. междоусобную борьбу императоров. „Повесть“ показывает, как во время штурма Царьграда „бояре“ отказываются его защищать и во главе с императором и патриархом позорно бегут из захваченного врагами города. Автор подчеркивает, что лишь немногочисленные защищавшие городские стены отряды греческих воинов и наемных варяжских дружинников, верных своей присяге, доблестно погибли, будучи изрублены мечами вторгшихся на укрепления города крестоносцев.

В поле зрения автора „Повести“ отчетливо проступают три социальных прослойки населения византийской столицы и, в соответствии с этим, — три политических группировки.

Первая — „бояре“, т. е. придворно-военная аристократия, императорская гвардия. Вторая — „добрые мужи“ или „добрые люди“, просто „людие“. Это, несомненно, средние слои более или менее зажиточных горожан. Третья — „чернь“, — демократические низы населения (ремесленники) и многочисленный в византийской столице люмпенпролетариат.

Проследим, как взаимоотношения этих группировок представлены в „Повести“².

¹ Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, стр. 229—230.

² Цитаты приводятся по Синодальному списку.

После смерти императора Исаака Ангела „люди“ поднимают восстание против его продавшегося латинянам сына Алексея „про зажьенье градное и за пограбление манастирьское“. В дело вмешивается чернь, которая, захватив инициативу восстания в свои руки, увлекает за собою и „добрых мужей“, возможно, против их воли: „И събрачеся чернь, и волочаху добрые мужа, думающе с ними, кого цесаря поставят“.

После отказа ряда кандидатов из знати, чернь выдвигает своего ставленника на престол, простого воина Николу (Канава). Его коронация осуществляется в храме Софии самовольно, без патриарха. 6 дней и 6 ночей продолжается здесь сейм („снемь“). Бояре вначале поддерживают отсиживающегося в Влахернском дворце Алексея IV Ангела. Последний стремится для упрочения своего шаткого трона ввести в город отряды крестоносцев. Вначале бояре отговаривают его от этого шага, когда же им не удастся оказать на него влияния, они, „убоявшися ввѣдения Фрягъ“, свергают Алексея IV и выдвигают своего ставленника Алексея Мурзуфла (Мурчуфла), провозглашают его императором в надежде, что тот сможет организовать вооруженное сопротивление фрягам. Алексея IV бросают в замок. „Повесть“ подчеркивает коварство и неблагодарность Мурзуфла, которого незадолго перед этим Алексей IV освободил из заключения. Мурзуфл вначале пытается вступить в соглашение с демократической группировкой, заседавшей в Софии, объявив себя ее союзником. Сообщая о том, что он захватил „ворога вашего Исаковица“, требуя признания себя императором, он обещает Николе разделить с ним власть: „А Николѣ даю първыи въ боярехъ“.

Демократическая группировка на первых порах проявляет неуступчивость и удерживает Николу, уже готового сложить с себя венец. „Кто отступить от Николы, да будет проклят“, — решительно заявляют собравшиеся в Софии. Однако, по всей видимости, блок между демократическими низами и защиточными горожанами не мог быть прочным, и последние, с наступлением ночи, один за другим покидают храм. Тогда Мурзуфлу, опиравшемуся на вооруженную поддержку гвардии, уже ничего не стоило арестовать и заключить в темницу Николу и его жену.

Продолжая держать в замке и Алексея IV, Мурзуфл совершает свою коронацию в надежде на вооруженное сопротивление фрягам массы горожан и „боярства“. Он укрепляет „бояр“ и „всех людей“ в их стремлении вооруженной рукой отразить натиск крестоносцев. Однако „люди“ и даже „бояре“ в решительный момент не проявляют никакого желания отдавать свои жизни за новоявленного императора. Они разбегаются со своих постов, фряги почти без потерь овладевают Константинополем. Мурзуфл, патриарх и все „бояре“ спасаются бегством из завоеванной столицы, надеясь найти спасение в провинции. Горожане же вынуждены остаться в городе и пытаются сохранить, что возможно, от разграбления латинянами.

Автор „Повести“ достаточно прозрачно высказывает свою симпатию именно к этой группе населения — „людям“. Возможно, что он сам помогал им скрыть церковные и художественные ценности от грабительства захватчиков. Так именно можно понять слова: „Дигитрию же чюдную, иже по граду хожаше, святую богородицю, съблюде ю богъ добрыми людьми, и ныне есть, на нюже надѣмься“. Очень возможно, что автор не называет имен „добрых людей“ из конспиративных соображений, так как пишет в захваченном латинянами городе¹.

¹ Вероятно, с приведенным упоминанием „Повести“ тесно связана особая статья, помещенная вслед за „Повестью“ в списках Еллийского летописца: „О иконе Одигитрии“, в которой излагается история упомянутой иконы.

Таким образом, в оценке социального смысла описываемых им событий автор проявляет довольно точное понимание действительных общественных условий того времени, поскольку это вообще было возможно для историка феодальной эпохи.

Рассказывая о взятии Константинополя крестоносцами, „Повесть“ большую долю вины в разгроме империи возлагает на венецианцев и, в частности, на их дожа, который „много брании замышляше на град“. Такая оценка деятельности Дандоло и его сребролюбивых сограждан, которые, как известно, „немилосердно надули“ рыцарей креста, оказавшихся „вместе со своими неотесанными князьями. . . всего лишь орудием в руках этих торгашей (Geldmacher)“¹, — вполне соответствует исторической действительности и лишний раз подтверждает политическую проницательность автора „Повести“.

Если сравнить описание боевых действий, изображенных в „Повести“, с тем, что о них сообщают другие источники, то и здесь нельзя не отметить большой точности русского повествователя. Так, автор „Повести“ с полной топографической достоверностью, как очевидец, рассказывает о расположении сухопутных сил крестоносцев под стенами столицы: „Приступиша къ граду, солнцю въсходящю, противу святому Спасу, зовемыи Верегетись, противу Испигасу, стаща же и до Лахерны“. (Испигасъ — это, несомненно, название ворот в западной части стены Константинополя, откуда вела дорога в Пиги, пригород столицы, εἰς Πίγυς. По названию ворот обозначался и район города). С не меньшей топографической тщательностью, опять-таки с точки зрения очевидца, указываются границы кварталов, охваченных пожаром при первом штурме столицы: „и подрумье (ипподром) и до моря, а семо по Цесаревъ затворъ и до Суда погорѣ“. Это крайний юго-восточный угол столицы между Пропонтидой и Золотым рогом (Судом). Из этих данных можно сделать вывод о том, где находился сам автор „Повести“, когда он описывал события. Повидимому, он жил в части столицы, прилегающей к Золотому рогу, причем к северу от Цесарева затвора, цепи, преграждавшей доступ в Золотой рог неприятельским судам.

Чрезвычайно точным следует признать указание „Повести“ на такую подробность, как то, что корабль крестоносцев был прибит ветром к городской стене во время штурма Константинополя. Интересно указание на количество крестоносцев, убитых при отражении первого штурма, 9 апреля 1204 г.: „Нъ Фрягъ избиша близъ 100 мужъ“. Это позволяет критически отнестись к хвастливому заявлению Виллардуэна о том, что якобы город с 400 000 населением был взят крестоносцами с потерей лишь одного рыцаря.

Точным является свидетельство повести о том, что после удачного штурма 12 апреля, крестоносцы, уже фактически овладев городом, не решились продвигаться в нем до следующего утра: они провели ночь на месте, где ранее была ставка императора Мурзуфла, и лишь с восходом солнца вошли в святую Софию.

Заслуживает полного доверия подробный рассказ „Повести“ о применении крестоносцами разнообразных боевых средств. Детальное и точное их описание обличает в авторе „Повести“ лицо, хорошо знакомое с техникой военного дела и морского боя.

Верно названы в „Повести“ дни первого и второго штурма столицы крестоносцами; точно указывается дата избрания ими нового импера-

¹ См. К. Маркс. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 197.

тора Латинской империи — 9 мая. Во всех приведенных случаях нас не может не поразить историческая точность и достоверность „Повести“.

В то же время обращает на себя внимание то обстоятельство, что в полную противоположность Никите Хониату, который не жалеет выражений, чтобы обрисовать жестокость латинян, их грубые кощунства и поругания над памятниками византийской культуры, автор „Повести“, упоминая лишь о разграблении крестоносцами церковных богатств, ничего не говорит об увозе или уничтожении ими художественных достопримечательностей, унаследованных Византией еще от языческого Рима. Очевидно, последние, в качестве предметов идолопоклонства, рассматривались автором „Повести“ как недостойные упоминания. Может быть, это объясняется и тем, что Хониат писал в безопасной от латинян Никее, а автор „Повести“ находился в Царьграде во время господства в нем крестоносцев и не мог не чувствовать некоторой зависимости от них.

В этой связи нельзя не отметить, что „Повесть“ вообще сравнительно терпимо относится к крестоносцам и в особенности старается отвести обвинения от римского папы и немецкого императора. Дважды подчеркивается их запрещение рыцарям творить бесчинства в Греческой земле.

В ряде случаев у автора „Повести“ проявляется некоторая склонность к сказочным приемам. Особенно явственно это прослеживается в начале „Повести“, когда изображается тайное бегство царевича Алексея из Константинополя на Запад от преследований своего дяди — узурпатора Алексея III. Рассказ „Повести“ обставлен легендарными подробностями и коренным образом расходится с тем, что мы узнаем об этих же событиях из сообщения Никиты Хониата. В „Истории“ последнего мы читаем: „Между тем Алексей, без сомнения по мысли своего отца, условился бежать с одним пизанцем, который командовал большим купеческим кораблем, и только ожидал удобного времени ускользнуть морем и закрыть свой след водою. Когда удобное к отплытию время наступило, корабль распустил паруса и с попутным ветром благополучно прибыл в Авлонию на Геллеспонте. Отсюда с корабля отправлена была для принятия Алексея шлюпка в Афиру, по прибытии в которую матросы, чтобы скрыть свое настоящее намерение, начали нагружать песок, как будто бы нужный кораблю, по выгрузке с него товаров, для балласта. Убежав сюда из Дамокрании, Алексей сел на шлюпку и переехал на корабль. Бегство его скоро было замечено, и император приказал немедленно обыскать корабль, но посланные не могли узнать Алексея; он остриг себе в кружок волосы, нарядился в латинскую одежду, смешался с толпою и таким образом укрылся от сыщиков“¹.

Если сравнить рассказ Хониата с тем, о чем передается в „Повести“, то мы можем сделать вывод, что последняя, вероятно, основывается на византийских устных народных сказаниях по поводу событий того времени.

Точкой соприкосновения между обеими версиями можно считать слова Хониата: ἐκκρυφύλαξει θεσθαί ἐν θλάσση τὸ ὄρημα, καὶ τὸ ἴχνη ἐν πολλοῖς ὕδασι — „закрыть след свой водою“. Не лишено вероятности, что эти слова, взятые и Хониатом из устной традиции, воспринимались народной легендой буквально, в связи с чем и появился в „Повести“ сказочный эпизод о бочке с тройным дном.

¹ Никита Хониат. История, т. II, стр. 268—269.

Следы народных легенд в передаче „Повести“ заметны и в особом пристрастии ее автора к „сказочному“ числу „сорок“: на сорока великих кораблях крестоносцы подплывают к Царьграду; после захвата ими столицы под престолом св. Софии они находят клад в 40 кадей золота, над алтарем Софии — 40 „великих кубков“.

При сравнении с другими источниками в „Повести“ обнаруживается порою и хронологическая неточность, например в сообщении о смерти императора Исаака Ангела. В то время, как Хониат и другие указывают, что этот император умер лишь после того, как его сын Алексей был уже свергнут и заточен Мурзуфлом, „Повесть“ рассказывает о его смерти прежде, чем сообщить о народном восстании в Константинополе против его сына как сообщника ненавистных иноземцев.

Но если такое построение „Повести“ противоречит хронологии, устанавливаемой на основании других свидетельств, то благодаря ему летописный рассказ намного выигрывает в идейной и композиционной стройности. Смерть Исаака представляется последствием его огорчения по поводу насилий и бесчинств, творимых фрягами, их вымогательств. Не будучи в силах вынести оскорблений, Исаак „разболѣвсья, и бысть мнихъ, и отъиде свѣта сего“. Здесь особенно выразительна трехчленная концовка, построенная на основе градации с постепенным усилением эмоциональной оценки подобранных автором слов и выражений.

Итак, хотя „Повесть“ и представляет значительную ценность в качестве исторического источника, не следует забывать о том, что она остается прежде всего художественным произведением, и притом произведением именно русской литературы своего времени.

IV

Можно согласиться с утверждением автора очерка о „Повести“ в I томе „Истории русской литературы“ о том, что „язык повести не носит каких-либо следов иноязычного оригинала“. Приведенные слова следует, без сомнения, понимать в том смысле, что перед нами произведение, безусловно, не переводное и не компилятивное из каких-либо многих иностранных источников, а самобытное творение русского автора. Оно представляется единым и по идее, и по композиционным особенностям. Не исключается, однако, возможность использования автором „Повести“ некоторых иноязычных источников, а может быть, и устных рассказов византийцев и крестоносцев, с которыми ему приходилось лично общаться. Прежде всего обращает на себя внимание значительная прослойка в тексте „Повести“ лексики греческого происхождения. Большая часть ее относится к сфере церковной терминологии и принадлежит к пластам общеславянских заимствований, вошедших через церковную старославянскую книжность. К этому типу относятся слова: „папа“, „София“, „монастырь“, „мних“, „патриарх“, „онбол“ (амвон)¹, „тябло“, „олтарь“, „олтарный“, „тряпеза“, „понекадило“, „евангелъе“, „иконы“, „философ“, „пискупы“. К этой же группе причислим слова: „цесарь“, „корабль“, „фряг“. Эти слова, разумеется, настолько крепко и широко внедрились в словарный состав древнерусского языка, что могли употребляться повсеместно, и потому могут встретиться в любом русском памятнике, независимо от места его создания.

¹ См. М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, III, СПб., 1909, стр. 29, 76, 208 и др.

К другой группе заимствований из греческого следует отнести название зданий и местностей в Константинополе: „подрумье“ (ипподром), „Вергетис“ (название монастыря *Ἐβεργέτης*), „Испигас“ (название ворот, ведущих в пригород Пиги, *εἰς Πήγας*), „Лахерна“ (Влахернский дворец). Эти названия верно передают народно-разговорное произношение, обычное в той среде, где мог вращаться автор „Повести“, живя в Константинополе. Эти же названия употреблял и Добрыня—Антоний в своем описании Царьграда.

К третьей группе слов относятся названия военных судов и их частей: „галѣя“, „скала“, „дромон“ (см. выше). Сюда же примыкают слова: „рая“ (райна—рея) и „кадь“¹ (мера). Эти лексемы, частью заимствованные из итальянского языка в греческий, были тоже, несомненно, широко распространены в византийской народной речи и поэтому могут служить лишним доказательством живой связи автора „Повести“ с демократическими кругами жителей византийской столицы.

Обращает на себя внимание и выражение „първыи въ боярехъ“. Так, в „Повести“ передано название сана, который Мурузфл обещает своему сопернику Николаю Канаву. Это выражение — очевидная калька с греческого *πρωτοστράτωρ* или подобного².

С другой стороны, в „Повести“ можно усматривать и следы западноевропейского языкового воздействия в ряде мест, особенно при перечислении имен и титулов руководителей крестоносного ополчения. Так, Бонифаций, маркграф Монферратский, назван „маркус“, что может соответствовать итальянскому *marchiso, marchese*. Любопытно, что родиной маркграфа Монферратского назван город Верона, причем передано это название в немецкой форме Берн (*Bern*) с пояснением „иде же бе жилъ поганыи злыи, Дедрикъ“, т. е. Теодорих Остготский. Это наводит на мысль о знакомстве автора „Повести“ с каким-то немецким литературным источником, возможно, с „Песнью о Нибелунгах“, в которой Теодорих, как известно, фигурирует под именем *Dietrich von Bern*. Форма же имени „Дедрик“, как думается, свидетельствует о нижненемецком его произношении. Балдуин, граф Фландрский, назван „Повестью“ Кондофъ оф Фланъдръ или „Кондофларендъ“. В первой части этого имени легко узнать итальянское *santo*—граф. Во второй же части обращает на себя внимание предлог *of* (в соотв. с верхненемецким *von*) в титуле *of Flandern*. Не попали ли эти названия в „Повесть“ в результате непосредственного изустного общения ее автора именно с фландрскими рыцарями-крестоносцами, с произношения которых и были записаны имена их вождей?

Титул дожа Венеции Дандоло передан в форме дужь, что соответствует итальянскому *doge*, при латинском и византийском *dux*, заимствованном очень рано также и древнерусским языком.

Все приведенные западноевропейские элементы лексики легко объяснимы как следствие прямого изустного общения автора „Повести“ не только с греческим населением Царьграда, но и с „фрягами“, жившими в нем и до захвата крестоносцами и особенно умножившимися после основания Латинской империи.

Однако если этот безымянный писатель жил и творил в Константинополе, довольно правильно разбираясь в международной политике своего времени, то одновременно он всегда продолжал оставаться

¹ См. М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, III, стр. 46, 180, 71 и др.

² М. Р. Фасмер (Указ. соч., III, стр. 161) отмечал, что „дельный ряд греческих *composita* с *πρωτο-* настолько распространялся на русской почве, что стал притягивать к себе путем народного осмысления и другие слова“.

прежде всего русским человеком и сыном своего народа, глазами которого он смотрел на изображаемые им события.

Он отмечает в происходящем прежде всего то, что резко отличается от тогдашней русской действительности. Его поражают одетые в броню кони крестоносцев. Его ужасает византийская казнь посредством ослепления стеклом, при которой глаза остаются неповрежденными, но человек перестает видеть.

Стиль „Повести“ полностью примыкает, как уже правильно замечено в „Истории русской литературы“, к стилю древнерусских летописей. Особенно заметно это в частом использовании прямой речи в качестве средства характеристики изображаемых лиц. Читатель словно слышит живые слова всех людей, действующих в „Повести“.

Витиевата, напыщенна и громоздка по синтаксическому построению увещательная речь римского папы (см. выше); отрывисто заносчивы речи Исаковича, Мурзуфла, бояр. Напоминает летописные речи своим энергичным выражением рыцарской доблести высказывание крестоносцев под стенами Царьграда: „Оже намъ нѣту Исаковиця, с нимъ же есме пришли, да луче ны есть умрети у Цесаряграда, нежели со срамомъ отйти“.

Функция приводимых речей также соответствует летописному стилю. В „Повести“ представлены не только военные речи, образец которых дан выше, но и речи посольские, например речь Мурзуфла „людем“, собравшимся в Софии: „Язь язь ворога вашего Исаковиця. Язь вашъ цесарь, а Николѣ даю пьрвыи въ боярехъ, сложи съ себе вѣнцы!“ Далее читаем „крестоцеловальную“, по содержанию и по форме, речь заклявшихся сторонников Николая: „Кто отступитъ от Николы, да будетъ проклятъ“. Лаконичное, полное внутренней энергии построение речей, обилие в них исконно-русской лексики вполне соответствует построению аналогичных речей и во всех древнерусских летописях. Летописный стиль прослеживается и в описаниях боевых действий, когда мы встречаемся с точным и подробным использованием воинской терминологии, обычной в древней Руси, например: „Оттоль начаша строити брань къ граду. И замыслиша, якоже и прѣже, на кораблехъ раями на шыглахъ, на иныхъ же кораблехъ исьдиниша пороки и лѣствица, а на инѣхъ замыслиша съвѣщивати бѣчьки чересь град, накладены смолины, и лучины зажгъше, пустиша на хоромы, якоже и прѣже пожьгоша град“. Подобно этому и далее: „И привлеце корабль къ стенѣ граднѣи вѣтръ, и быша скалы ихъ великия чрѣсь град, а нижнее скалы равно забороломъ; и бяхуть съ высокыхъ скалъ на градъ Грьки и Варягы камениемъ, и стрѣлами, и сулидами, а съ нижнихъ на град сълѣзоша; и тако възяша град“.

В этих описаниях все типично для летописи: и лексика („забороломъ“, „пороки“, „стрѣлы“, „сулица“), и динамичность в изображении боя.

Специфически русским следует признать не только стиль изложения „Повести“, но и основную идею, вложенную автором в свое произведение. Она, несомненно, являлась весьма важной и злободневной для тогдашней Руси.

Если Царьград пал вследствие „свады цесаревъ“, то в этом заключен урок и для русских князей. „Повесть“ могла бы включить в себя те же слова, что были сказаны современниками ее автора в возникшем несколько позже летописном сообщении о битве при Калке, также включенном в первую Новгородскую летопись под 1224 годом: „нѣ сде въписахомъ о нихъ памяти ради русскихъ князь“.

Подобно „Слову о полку Игореве“, созданному несколько ранее нашей „Повести“, и ее автор обращается к господствующему классу

Русской земли, к своим современникам, незадолго до нашествия монголов с поучением и с призывом к объединению. В этой патриотической идее, непосредственно выводимой из „Повести“, и следует видеть причину столь широкого ее распространения на Руси как во время татаро-монгольского ига так и, в особенности в период напряженной борьбы за окончательное его уничтожение, за новое объединение всех сил Русской земли в период формирования централизованного государства вокруг Москвы.

V

Повесть, вне всякого сомнения, следует признать памятником древнерусского литературного языка старшей формации. Структура языка, отразившаяся в ней, типична для периода его развития до татаро-монгольского завоевания. Об этом свидетельствует прежде всего в изобилии представленная в ней восточнославянская лексика.

Стилистическая роль старославянских языковых элементов в большинстве случаев свободно уясняется. Чаще всего они употреблены, если речь идет о церковно-религиозных предметах. Особенно же часты эти элементы в качестве устойчивых фразеологических сочетаний: „солнцю вѣсходящю“, „временомъ минувшемъ“, „царствующю Ольксе“ (дательный самостоятельный). В тех же местах „Повести“, где, наоборот, рассказывается о военных действиях, о различных происшествиях, там в языке ярко проступает восточнославянская лексика и исконно-русский строй речи.

Под пером позднейших переписчиков и редакторов язык „Повести“ видоизменялся в сторону „церковнославянизации“ с устранением типичной восточнославянской лексики, однако внимательное сравнение всех списков дает возможность восстановить не только текст, но и первоначальную структуру ее языка¹.

В заключение следует еще раз поставить вопрос о новгородском происхождении „Повести“. У большинства исследователей это разумеется само собою. Между тем вопрос далеко не столь ясен. Список С, как уже отмечалось, ни в коей мере нельзя считать протографом. Новгородская первая летопись, как было указано уже В. М. Ляпуновым и А. А. Шахматовым, включает в себя довольно много сказаний, несомненно не новгородских, а южнорусских по своему происхождению².

Не исключается возможность, что и наша „Повесть“ попала в С из какого-либо не новгородского памятника. Язык „Повести“, действительно, не содержит специфически новгородских особенностей, и, наоборот, ряд явлений скорее указывает на ее южнорусское происхождение.

Правда, фонетическое оформление некоторых слов в списке С носит явно новгородский характер, но нужно отметить, что цоканье и чоканье мы наблюдаем только в списках I Новгородской летописи, и то не вполне последовательно, списки же Еллинского летописца и зависимые от него (например, М) вовсе свободны от указанной особенности.

Что же касается редкой лексики, употребленной в нашей повести, то она не носит на себе отпечатка чего-либо диалектного, новгород-

¹ Подробное изучение языковой стороны „Повести“, по всем ее спискам, составляет предмет особого исследования.

² А. А. Шахматов. Обзорение летописных сводов, стр. 130—131.

ского. К этому же выводу приводят и некоторые наблюдения над грамматическими особенностями языка „Повести“¹.

Таким образом, и по языковым признакам памятник не следует считать специфически новгородским. Отпадает и необходимость предположения о заимствовании „Повести“ в Еллинский летописец из Новгородской летописи. Порою лучшая сохранность текста „Повести“ в списках последнего, чем в С, это подтверждает. Если мы учтем, что, по указаниям В. М. Истрина и А. А. Шахматова, Еллинский летописец существовал уже в 30-х годах XIII в. (в добавление к чему следует указать на связь с Еллинским летописцем ряда летописных известий, восходящих, вероятно, к Ростовскому своду, как, например, рассказ о Липицкой битве под 1216 годом в Софийской летописи и др.), то предположение о путешествии „Повести“ из Царьграда в Новгород, а оттуда уже на восток Руси, где, видимо, сложился Еллинский летописец, нужно признать вовсе невероятным.

Следует еще отметить, что как в рукописях Новгородской летописи (списки К, А, Т), так и во всех списках Еллинского летописца рассказ „Повести“ дублируется краткими сообщениями о тех же событиях, что может указывать на позднейшую вставку „Повести“ как в Новгородскую летопись, так и в Еллинский летописец из какого-либо общего, вероятно, южнорусского по происхождению и бытованию памятника.

Таким образом, повесть „О взятии Царьграда от фряг“, выдающееся произведение древнерусской литературы периода, предшествующего монгольскому нашествию, следует признать ценным источником для истории Византии и четвертого крестового похода. Сравнительное изучение списков повести позволяет уточнить ее первоначальный текст и показывает, что она, будучи написана в Константинополе современником и очевидцем событий, лишь впоследствии была включена как в Новгородскую летопись, так и в Еллинский летописец.

¹ Подробнее о языковой стороне „Повести“ см. в моей статье (ТОДРА, т. X, 1954).